

5 июня профессор университета Эмори (Атланта, США) Елена Глазова-Корриган прочла доклад «Дар поэта поэтике – теоретические находки Осипа Мандельштама». Данный доклад (основанный на первой части новой книги Елены и Марины Глазовых «Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама», Киев, 2012) посвящен Мандельштаму-филологу и его необычному теоретическому освоению трех миров «Божественной комедии»: Inferno, Purgatorio и Paradiso. Елена Глазова-Корриган построила свой доклад как ответ на вопрос: Можно ли говорить о поэтике Осипа Мандельштама и о его вкладе в теорию литературы? Казалось бы, филология Мандельштама имеет лишь минимальное отношение к научному труду. Даже при том, что Мандельштам начинает писать о силе поэзии уже в 1912 году (поэзия акмеизма – «божественная физиология, бесконечная сложность нашего

темного организма» («Утро акмеизма»)) и возвращается к этой теме в течение всей своей недолгой жизни, его рассуждения кажутся скорее импрессионистическими, чем теоретическими. И все же вопрос о ценности видения Мандельштама не решается однозначно, потому что он упирается не только в научную оценку Мандельштама как теоретика, но и в необходимость поисков новых научных подходов к самому Мандельштаму. Мандельштам с его любовью к Данте ставит вопросы, зачастую не интересующие современную поэтику. Но для Мандельштама Данте не был ни устаревшим мыслителем, ни «таинственным Дантом французских гравюр, состоящим из капюшона, орлиного носа и чем-то промышляющим на скалах» («Разговор о Данте»). Как настаивает Мандельштам, «мы описываем как раз то, чего нельзя описать, то есть остановленный текст природы, и разучились описывать то единственное, что по структуре своей поддается поэтическому изображению, то есть порывы, намеренья и амплитудные колебания» («Разговор о Данте»). И Данте стал для него именно тем виртуозным мастером, которому удалось услышать работу «волн», пронизывающих «всю нашу теорию звука и света, все наше учение о материи, всю нашу поэзию и всю нашу музыку» («Разговор о Данте»).

Высказывания этого рода в работах Мандельштама не являются преувеличением. И в «Разговоре о Данте», и в «Путешествии в Армению»,

написанных в 1933 году, Мандельштам утверждает, что теория поэзии подошла к открытию новой науки, которую он именуется то «физиологией чтения», то «рефлексиологией речи». Данте становится для него в этой новой науке «сотоварищем, соискателем, сооткрывателем» («Разговор о Данте»), и при этом мандельштамовское понимание многослойности динамичного влияния поэзии на сознание, по мнению докладчицы, истинное новаторство. По ее мнению, можно с уверенностью сказать, что в этой области Мандельштам опередил поэтику XX века.

Далее Елена Глазова-Корриган отвечает на вопрос: В чем же суть этого новаторского видения?

Проза Мандельштама, посвященная поэзии и литературе, метафорически перенасыщена, но перевоплощения и новые соединения в его образах знаменуют собой не просто вольнолюбивый темперамент поэта или постоянные перемены в его настроении. Тщательно прослеживая хронологию изменений в сходных образных системах прозы Мандельштама, внимательный исследователь интенсивный и напряженный ход мысли. Выявляется ключ к поэтике Мандельштама: в 1930-е годы мира Данте не затмили для русского поэта все его предыдущие искания, не заменили ранние воплощения его мысли

новым набором образов и метафор. Скорее, наоборот, космология Данте дала Мандельштаму возможность объединить все его предшествующие поэтические поиски в одну динамическую систему, состоящую из непрекращающихся превращений и метаморфоз. В этой системе каждый ландшафт миров Данте предстает и как объект изучения трансформаций поэтического процесса, и как вечно обновляющееся научное видение, и как определенная «эмбриология» воображения и мыслительных процессов, преобразующих самого человека и окружающий его мир (см. Приложение. Таблица: Изменяющиеся стадии восприятия поэтического пространства. «Обратимая и обращающаяся материя». – Подсказано Дантом, с. 170–171).

Не принимая академических толкований «Божественной комедии», Мандельштам, тем не менее, подходит довольно близко к философским истокам мысли Данте. В этом отношении уже было бы достаточным

внимательно изучить описание поэтической «обратимой и обращаемой» материи в «Разговоре о Данте»: «скрещиванье двух линий, из которых одна, взятая сама по себе, абсолютно немая, а другая, взятая вне орудийной метаморфозы, лишена всякой значительности и всякого интереса» («Разговор о Данте»). В этом постоянном видоизменяющемся взаимодействии, в «скрещиванье» «немом» порыва и материальных аспектов языка мандельштамовский «порыв» напоминает собой «сотворяющий логос» мира Данте, хотя основным принципом построения смыслового пространства в художественном мире Мандельштама становится явная замена центральных терминов повествования: в мандельштамовских работах мы не встречаем «поэтического логоса», нисходящего в материю, но, тем не менее, мы видим действие «порыва», описанного как движение волновых колебаний, превращающихся и в свет, и в звук и создающих магнитное поле, которое стимулирует жизнь природных изменений и рост живых существ. Этот «единый дифференцирующий порыв» сталкивается с материей и проникает в ее неоформленные, неструктурированные, чисто количественные измерения.

Несомненно, здесь речь идет не просто о Данте. Развитие взглядов Мандельштама на поэзию определилось и его увлечением философией Анри Бергсона, и его интересом к биологии и теоретической физике XX века. Но поскольку в этом докладе речь идет не о предшественниках поэта, мы не собираемся судить о том, в какой мере среди всех увлечений и интересов Мандельштам сознавал свою близость к философским и духовным корням Данте в толковании логоса, который нисходит в материю, формирует ее, оплодотворяет и угасает в ней, всё же ее преодолев. Наша задача – выявить процесс изменений, вызываемых поэзией в человеческом сознании.

Систему Мандельштама, считает профессор, никак нельзя свести к простой формуле, но при этом необходимо подчеркнуть, что в поздней его поэтике восприятие поэзии предстает как процессы, ощущаемые и одновременно, и последовательно, или как расположенное по оси в пяти изменяющихся поэтических пространствах (пейзажах): 1) инфернальное; 2) интуитивное (инстинктивное); 3) импрессионистическое, или пространство цвета; 4) структурное, где световой, волнообразный подстрочник раскрывает основные принципы организации текста; 5) музыкальное (см. таблицу в Приложении). Эти пространства, переплетенные в поэзии воедино, содержат общие характеристики процессов письма и восприятия поэтических текстов, но при этом они перекликаются с мирами Ада (родство с чисто материальным миром, где

господствует смерть), Чистилища (родство с природой, движимой постоянно обновляющимся жизненным инстинктом) и Рая (родство с «волновой» природой бытия) и включают в себя переходные стадии между ними. И все же эти миры – скорее всего ориентиры среди сложнейших и непрекращающихся метаморфоз.

Мандельштам рассматривает модуляции (или изменения), характеризующие эти метаморфозы, как основное свойство поэтического порыва – движения, которое не ощутимо само по себе, но способно порождать бесконечно раскрывающиеся и изменяющиеся уровни смыслового пространства, постоянно преобразующие сознание читателя. Таким образом, все узловые точки, *loci* поэзии – это формы передачи и адресации на всех пяти ступенях коммуникативного процесса в поэзии. Для Мандельштама круг поэтических адресатов, по мнению докладчицы, не ограничивается автономными, обладающими самосознанием субъектами, а включает в себя – как у читателя, так и у автора – многоплановую, постоянно обновляемую рецептивность. Адресатами одновременно становятся: 1) оживающие призраки прошлого, 2) инстинктивное начало личности, 3) простодушная доверчивость читательского воображения, 4) сам читатель как со-открыватель и в итоге 5) поэт, который осознает, что он фактически тоже является реципиентом музыки языка и должен, соответственно, отвечать на невидимый взмах дирижерской палочки, с которой он сливается в момент творчества.

Такую концепцию поэтической коммуникации трудно воспринять в силу самой ее природы. Тот, кто кажется выразителем, на самом деле является сутью и смыслом выражения. Кто кажется адресантом, на другом уровне является еще и адресатом. Путешествуя в поэтических пейзажах Мандельштама, подсказанных «Божественной комедией», мы сами оказываемся вовлеченными в метаморфозы поэтической материи и видим сотворение поэтических миров, возникающих из разнонаправленного движения – восхождения и нисхождения «дифференцирующего порыва». При этом представления о многослойной (гибридной) природе сотворения поэтического текста распространяются не только на творчество как таковое. Мандельштам видит в поэзии один из самых насыщенных и сложных видов интеллектуальной деятельности, поскольку поэзия и неизменно связана с постижением жизни, и является жизнью как таковой, то есть насыщенной, неуловимой, но значимой жизненной энергией.

Насущный вопрос: повлияет ли мандельштамовское видение на будущее развитие поэтики? Современная поэтика не готова ни принять, ни отвергнуть данную позицию, но Мандельштам уверяет читателя, что «поэтическая материя» – эти «снаряды для уловления будущего» --

будучи зачата «в процессе поэтического формообразования, в волновой процессуальности», навсегда останется «самой точной из всех материй, самой пророческой и самой неукротимой» («Разговор о Данте»). Именно потому, заключила Елена Глазова-Корриган, мысли поэта, посвященные поэзии, найдут в скором будущем своих «сотоварищей, соискателей, сооткрывателей» («Разговор о Данте»).

ТАБЛИЦА

Изменяющиеся стадии
восприятия поэтического пространства.
«Обратимая и обращающаяся материя»

	Стадии чтения и письма	«Разговор о Данте». Главы	Научное познание	Принципы восприятия
1	Начало. Межтекстовые аллюзии	Исхождение в материю. [глава 2]	Микроскоп. Биология Ламарка.	Текст как цитатный хор. Полузабытые наблюдения.
2	Сознание текста как единого целого. Текст как живой организм.	Созидание как рождение. «Выжимка». [Глава 3].	Исследование пространства. Паломничество и путешествие.	Интуитивный сдвиг: от бесконечно делимого прошлого к единому растущему тексту.
3	Исследование фрагментов текста.	Текст как многокрасочная миниатюра. [Глава 4]	Эмбриология. Фантазия. Краски. Линней и Паллас.	Пробуждение воображения в процессе чтения.
4	Осознание структурной организации.	Раскрывающееся пространство световых волн. [Глава 5]	Дарвиновская биология. Словарь природы.	Структурное единство. Сохранение черновиков.
5	Пересечение знания и священного откровения.	Концертная обстановка вселенной. [Глава 6]	Музыка. Химия. Квантовая физика.	Музыкальная интонация как языковой диктант.

Время и пространство	Метафоры и пласты понимания	Читатели, адресаты	Ландшафты Данте
Тяга прошлого. Материя, разъятая на атомы.	Тропа. Разлом в камне. Смерть. Зачатие.	Голоса прошлого. Призраки.	Инфернальное пространство.
Инстинктивное развитие. Рождение тела. «Сотообразования».	Рождение текста. Разрастающаяся «кристаллографическая фигура».	Инстинктивная тяга. Пчелы.	Рождение Чистилища. Катастрофа. Танец растущего тела.
Власть частного. Миниатюра. Растительные краски.	Герион (органические метаморфозы). Окрашивание текстовой ткани. Жажда полета.	Читатель - фантаст. Наивный исследователь.	Двунаправленное движение. Полет вверх и одновременное нисхождение.
Единство внутренней структуры. Световые волны. Ковер, сотканный из влаги.	Многоплановые скоростные движения. Парусные лодки.	Сотоварищи, соискатели, сооткрыватели.	Восхождение по скалам Чистилища.
Время и пространство между разумом и верой.	Дирижерская палочка.	Поэт, пишущий под диктовку.	Вершина Чистилища. Симфонический концерт.